А.А. Хисамутдинов

Русские на Филиппинах

А.А. Хисамутдинов

РУССКИЕ НА ФИЛИППИНАХ

A.A. Khisamutdinov

THE RUSSIANS ON THE PHILIPPINES

Монография

Научное электронное издание

Владивосток
Издательство Дальневосточного университета
2015

УДК 908
ББК 63.3
Х51

Науный редактор
Т.В. Прудкогляд, канд. ист. наук, профессор кафедры журналистики
и издательского бизнеса ДВФУ

Рецензенты:
Ю.В. Аргудяева, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН;
А.Ф. Старцев, д-р ист. наук, заведующий отделом этнографии, этнологии и антропологии Института
истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Хисамутдинов, А.А.

Х51 Русские на Филиппинах [Электронный ресурс] = The Russians on the Philippines : монография / А.А. Хисамутдинов ; [науч. ред. Т.В. Прудкогляд]. – Электрон. дан. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. – Режим доступа: https://evols.library.manoa.hawaii.edu/. – Загл. с экр.

ISBN 978-5-906739-67-4

Монография посвящена жизни русских на Филиппинах. Впервые они оказались там в начале 1920-х гг., прибыв на кораблях Сибирской флотилии. Затем временное жилье получили беженцы из русского Китая. Описана разнообразная деятельность русских на Филиппинах, даны биографии известных деятелей русской эмиграции. Книга проиллюстрирована материалами из русской коллекции Гавайского университета (Гонолулу, США), а также частных собраний.

Ключевые слова: Русские на Филиппинах. Сибирская флотилия Старка. Русские беженцы из Китая. Русские на Тубабао.

This book describes the Russians' life in the Philippines. They first appeared there in the early 1920s, arriving on board the Siberian flotilla ships. Then temporary residence was provided for the refugees from Russian China. There are descriptions of various activities of the Russians in the Philippines, and biographies of wellknown figures of the Russian emigration. The book is illustrated with materials from the Russian collection at the University of Hawaii (Honolulu, USA), as well as from private collections.

Keywords: Russians in the Philippines. Siberian flotilla under Stark command. Russian refugees from China. The Russians on Tubabao.

УДК 908
ББК 63.3

Научное электронное издание

Хисамутдинов Амир Александрович

Русские на Филиппинах

Монография

Компьютерная верстка *Н.Ю. Крутова*

Издательство Дальневосточного университета,
690091, г. Владивосток, ул. Фонтанная, 47
Тел. 8 (423) 254-48-14. E-mail: tvpress@mail.ru

6,1 Мб

ISBN 978-5-906739-67-4

Предисловие автора

Сейчас на Филиппинах почти ничто не напоминает о том, что здесь когда-то жили выходцы из России. А их было немало. В 1923 г., например, братоубийственная война привела сюда из Владивостока моряков эскадры контр-адмирала Ю.К. Старка и членов их семей, а после Второй мировой войны в этих экзотических местах оказались русские из Китая. С приходом советских войск несколько тысяч беженцев были вынуждены бросить все нажитое и искать убежища на Филиппинах, чье правительство согласилось предоставить им место для временного размещения. И если пребывание большинства моряков на Филиппинах было недолгим – их вскоре переправили в Америку, то новой волне пришлось задержаться гораздо дольше. Их лагерь на острове Тубабао превратился в настоящий русский городок со своими улочками, администрацией, полицией, почтой, церковью и всем прочим, без чего невозможна нормальная жизнь. Здесь появилась своя периодическая печать, давал представления театр, устраивались художественные выставки. С одной стороны, временный причал на Тубабао был продолжением эмигрантской жизни, с другой, стал мостом для переезда в другие страны – Австралию, Аргентину, Бразилию, Парагвай, США, Францию.

В России опубликовано много материалов о том, как закончилась Гражданская война на Дальнем Востоке. В основном в них описываются события, происходившие до 25 октября 1922 г., и существенным недостатком этих работ является то, что они опираются исключительно на советские документы, проливающие свет на исторические факты лишь с одной стороны. С другой стороны, отсутствие в России документов о каком-либо событии данного периода приводит и к отсутствию публикаций на эту тему. Именно этим объясняется, в частности, слабое внимание исследователей к последнему плаванию Сибирской флотилии, на кораблях которой Владивосток покинули последние белые части.

Мало публикаций и о русском Тубабао, материалы о котором разбросаны по всему свету. В Гуверовском архиве хранится часть документов Сибирской флотилии, позволяющих восстановить картину того, как начиналась российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Множество фотографий и рисунков, сделанных в русском лагере на Тубабао, имеется в Музее русской культуры в Сан-Франциско. Интересная коллекция находится в Гавайском университете. Редкие материалы о жизни русских сохранились и на Филиппинах, где даже попытались создать небольшой музей. За рубежом опубликованы и воспоминания русских эмигрантов, прошедших через филиппинский лагерь беженцев. Научный журнал «Вопросы истории» напечатал статью автора «Русские эмигранты на Филиппинах» (2003).

В данной работе автор попытался обобщить эти материалы, проиллюстрировав ее редкими фотографиями.

Автор приносит благодарность русскому библиографу Патриции Полански (Patricia Polansky) за использование коллекции «Рубежа», хранящийся в Русской коллекции Гавайского университета (Гонолулу, США). Неоценимой помощью были и консультации сотрудника Музея русской культуры в Сан-Франциско Ива Франкьена (Yves Franquen).

За подготовку книги к изданию автор признателен Никите Крутову.

Составление истории о русских на Филиппинах продолжается, и любые замечания и дополнения будут с благодарностью приняты.

Хисамутдинов Амир Александрович, доктор исторических наук,
профессор Дальневосточного федерального университета
(Владивосток). 690041. Владивосток, ул. Полетаева, № 49.
khisamut@yahoo.com

ОДИССЕЯ СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛИИ

Ни один дымок не вился над кораблями Сибирской флотилии. Большей частью движки были разобраны, и моряки грелись в одной из кают вокруг обыкновенной буржуйки, труба которой была выведена через иллюминатор. Все разговоры вертелись около одного вопроса: что делать дальше? Только что, 26 мая 1921 г., произошел очередной политический переворот, и власть в Приморье заняли белые. Командующим войсками стал генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий, поручивший капитану 2-го ранга Соловьеву временно исполнять обязанности командующего Сибирской флотилии. В первые же часы своей деятельности Соловьев занялся формированием штаба. Стать его начальником он пригласил капитана 1-го ранга В.И. Подьяпольского. Капитаном Владивостокского порта все еще оставался инженер-полковник А.И. Ярон.

Понимая, что благоприятный пока политический ветер может внезапно изменить направление, белые решили закрепить свой успех. Заняв все учреждения Морского ведомства, они постепенно прощупали политические настроения флотских экипажей. Лейтенанту Г.Г. Чухнину, назначенному начальником рейда, поступил срочный приказ вывести на рейд Золотого Рога и поставить на бочки два миноносца - «Твердый» и «Инженер-механик Анастасов» - с расчехленными орудиями. В это время на рейде находились корабли Сибирской флотилии «Магнит», «Батарея», буксир «Свирь» и транспорт «Улисс». Последний готовился выйти в море с чартерным грузом. Позже из Японии пришел транспорт «Патрокл». Еще два транспорта — «Диомид» и «Лейтенант Дыдымов» – остались после переворота в руках красных в бухте Ольга.

По политическим настроениям моряки Сибирской флотилии, как и во всех белых частях, делились на два лагеря: одни положительно относились к атаману Г.М. Семенову, а другие нет. В любой момент между ними могло вспыхнуть вооруженное столкновение. Встал вопрос, кто может разрешить все проблемы, которые назрели во флотилии. Вержбицкий блестяще решил этот вопрос, послав в Харбин письмо контр-адмиралу Старку с приглашением приехать во Владивосток и занять должность командующего флотилией.

Октябрь 1917 г. и начало гражданской войны коренным образом изменили жизнь и карьеру контр-адмирала Ю.К. Старка. В августе 1918 г., оставив семью в Петрограде, переодетый в солдатскую шинель Ю.К. Старк появился в белой Казани. А.В. Колчак назначил его начальником четырех полков дивизии морских стрелков, которые впоследствии проявили необычайную храбрость в битвах с красноармейцами. Во время Ледового похода по Байкалу Старк заразился тифом и около полугода

провел в госпитале в Харбине. Выздоровев, Юрий Карлович там же и остался, устроившись работать простым десятником на строительстве домов. Затем вместе с другими морскими офицерами он организовал небольшое частное предприятие. Купив несколько катеров, они развозили грузы по реке Сунгари, пока не пришло неожиданное приглашение Вержбицкого.

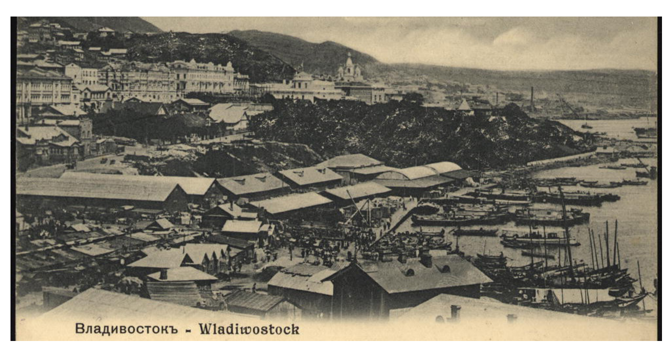
Ю.К. Старк (выделен) и офицеры Сибирской флотилии

Георгий (Юрий) Карлович Старк. *Родился 20 октября 1878 г. Окончил Морской кадетский корпус - 1898 г. и Минные офицерские классы - 1904 г. Старший минный офицер крейсера 1-го ранга «Аврора». Участник русско-японской войны. Во время первой мировой войны начальник 5-го минного дивизиона. За бой при Моонзунде произведен в контр-адмиралы.*

17 июня 1921 г. Ю.К. Старк приехал во Владивосток. Уже на следующий день, после недолгих переговоров с Г.А. Вержбицким и бесед с офицерами, он вступил в должность командующего Сибирской

флотилии и управляющего морским ведомством. Вместе со Старком из Харбина во Владивосток приехали и другие офицеры. Среди них выделялся капитан 1-го ранга Ю. Фомин.

Из послужного списка Николая Юрьевича Фомина. *Родился 21 декабря 1888 г. Из дворян Нижнего Новгорода. Окончил Морской кадетский корпус - 1908 г. Служил в Балтийском флоте. В Первую мировую войну служил под командованием Колчака, который взял его при переводе на Черноморский флот на должность флаг-капитана по оперативной части - 1916 г. Капитан 2-го ранга в отделе Морского генштаба в Санкт-Петербурге – июль 1917 г. - март 1918 г. Начальник оперативной части правительства адмирала Колчака. Капитан 1-го ранга и начальник штаба Камской речной флотилии. Пройдя через Ледовый поход, жил в Харбине - с февраля 1920 г.*

Владивосток во время Гражданской войны. Открытка

В Сибирской флотилии катастрофически не хватало людей, и Старк объявил прием добровольцев, желающих послужить на благо России. 22 июня 1921 г. на столбах Владивостока замелькали объявления: «Предлагаю всем состоящим на военно-морской службе офицерским и классным чинам и кондукторам флота при исполнении всех служебных обязанностей быть в погонах старого образца. Вне службы разрешается ношение штатского платья».

1 июля 1921 г. контр-адмирал Старк издал свой знаменитый приказ № 120, в котором говорилось: «Более месяца тому назад свергнута власть коммунистического правительства. Настала возможность во всех отраслях государственной жизни приступить к созидательной работе по исправлению тяжких разрушений, нанесенных за последний год безвременья. Флот едва ли не более других частей государственной организации разрушен за время революции. Судовой состав отсутствием ремонта и общей разрухой в службе сведен до минимума, большинство судов приведено в такое состояние, что негодно к возвращению в строй вовсе, остающаяся часть требует огромного ремонта. Суда не плавают

из-за отсутствия средств. Имущество кораблей и вооружение в значительной степени истреблено. Склады портов пусты. Личный состав разогнан по заграничным портам. Система комплектования нарушена. Обучение отсутствует. Между тем на флоте, находящемся на русском Дальнем Востоке, лежат перед будущей Россией задачи величайшей ответственности, и работа по выполнению этих задач не может быть остановлена ни на одну минуту без непоправимого ущерба для насущнейших интересов Родины».

Старк собрал и Военный совет, куда вошли контр-адмиралы В.И. Подьяпольский (недавно произведенный) и В.В. Безуар, инженер-механик генерал-майор А.И. Ухлин, военный инженер полковник А.И. Ярон, капитаны 1-го ранга А.Н. Пелль, Н.Ю. Фомин и Н.С. Харин и старший лейтенант Г.С. Серебренников. Обсудив задачи, стоящие перед флотом, совет выработал постановления по скорейшему вводу флота в строй. Кроме кораблей в Сибирскую флотилию входили Отдельная рота морских стрелков, командиром которой 8 августа 1921 г. стал полковник Цимбалов, командовавший у адмирала Колчака 3-м полком дивизии морских стрелков, Дирекция маяков и лоции Восточного океана, Гидрографическая экспедиция, Морской госпиталь и портовая контора со всем паровым имуществом. Первое время основной задачей было просто выжить, а для этого требовалось продовольствие. Желая поднять дух флотилии, Старк постановил выдавать продовольствие и членам флотских семей. Грамотных моряков не хватало, и 12 июля 1921 г. посылочное судно «Патрокл» стало учебным кораблем.

Продолжали тревожить и политические настроения флотилии. 13 июля 1921 г. была раскрыта попытка увести транспорт «Батарея» к красным в Ольгу. Инициаторами ее были командир старший лейтенант Вениаминов, старший офицер капитан дальнего плавания Ягненко и пять матросов.

Владивосток во время Гражданской войны. Открытка

Очень важным был вопрос охраны рыбных промыслов Охотско-Камчатского края, где хозяйничали японцы и американцы. В этот район 26 июля был направлен транспорт «Магнит». Управление рыбных и звериных промыслов постановило отправить на охрану промыслов под своим флагом еще одно судно. Но денег на это не нашлось, поэтому ограничились единственным под военным флагом. При патрулировании в Охотском море «Магнит» обнаружил сети, которые не соответствовали условиям Русско-японской конвенции. Но как только моряки стали их обрезать, подошел катер под японским военно-морским флагом и выстрелил по русскому кораблю из 47-милиметрового орудия. На борт «Магнита» поднялся японский морской агент, который был весьма удивлен тем, что русские хотят навести у себя порядок.

Суда Сибирской флотилии занимались и патрулированием полуострова Муравьева-Амурского, а затем стали подниматься севернее вдоль побережья. Налеты красных партизан и хунхузов-пиратов становились все реже и реже, а к сентябрю 1921 г. прекратились вовсе.

Много проблем задал Старку атаман В. Бочкарев (Озеров). Контр-адмирал не доверял атаману, предупреждая правительство, что вдали от центра он станет неуправляем. Вначале бочкаревцев должен был увезти на север транспорт «Свирь», но правительство отказалось выделить средства на переоборудование судна и установку орудий. 23 сентября 1921 г. «Свирь» была списана, и на ней спущен Андреевский флаг. Через два дня экспедиция есаула В. Бочкарева ушла в свое бесславное плавание на транспорте Добровольного флота «Кишинев».

За два дня до этого из Басры пришел английский транспорт «Франц-Фердинанд», на борту которого были интернированные из Месопотамии - свыше 200 матросов Каспийской флотилии и большое число офицеров. Это помогло укомплектовать суда Сибирской флотилии - миноносцы «Бойкий», «Бравый», «Твердый» и «Инженер-механик Анастасов».

26 сентября 1921 г. транспорт «Батарея» и зафрахтованный английский транспорт «Ральф Моллер» отправились в море, чтобы перехватить посыльное судно «Адмирал Завойко» с уполномоченным советского правительства на борту, якобы шедшее из Шанхая в Петропавловск-Камчатский. По плану, разработанному контрразведкой, предполагалось дождаться захода судна в международные воды и там захватить. «Адмирал Завойко» не вышел в море, а вместо него отправился зафрахтованный транспорт. 8 октября 1921 около японского порта Муроран была попытка перехвата транспорта, который на большой скорости попытался прорваться, и зашел в Японию. Японские власти отказались выдать его белым. В результате советские отправились под конвоем в Китай.

Корабль «Красный вымпел» (бывший «Адмирал Завойко»)

Используя превосходство своих кораблей, Ю.К. Старк решил предпринять более активные действия на море. 6 ноября 1921 г. контр-адмирал возглавил флотилию из судов «Батарея», «Магнит», «Патрокл», «Улисс», канонерской лодки «Илья Муромец» и отправил на них 1500 морских стрелков на север Приморья. В районе Императорской гавани в бухте Датта ими был захвачен охранный крейсер «Лейтенант Дыдымов», который привели во Владивосток. С 13 по 14 ноября 1921 г. были в Ольге. С этого времени белые господствовали в море.

Всю зиму моряки готовились к навигации. Из неотапливаемых кубриков вмерзших в лед кораблей они перебрались в береговые казармы. Некоторые из флотских влились в армейские ряды белоповстанцев.

В докладе Васенко «Пути к возрождению русского флота» отме-

чалось: «Несмотря на отсутствие средств, на неполное использование зимы для обучения команд и ремонта судов, все укомплектованные корабли к началу теплого времени оказались приготовленными к плаванию. Мало этого. Обреченные, забракованные большевиками, сданные на долговременное хранение, давно не плававшие миноносцы исправлены и на испытании дали превосходные результаты. Их вхождение в состав действующих судов должно быть особой гордостью их команд и всей флотилии, ибо на их ремонт совсем не было отпущено средств. Только личной инициативе командующего и энергии, предприимчивости и настойчивости командиров миноносцев и работе команд, сумевших выполнить чрезмерно трудную задачу и обязана флотилия появлением в списках действующих судов».

Неудачей закончилась мартовская попытка экипажа «Фарватера» истребить партизан в Ольге. Взрослое население, завидев корабль белых, ушло в сопки. Белая контрразведка подтверждала, что местные жители не верят в их успех и предпочитают держаться от белых подальше. 26 апреля 1922 г. транспорт отправился на о. Аскольд, где тоже были замечены партизаны.

Контр-адмирал Старк планировал выходы своей флотилии на Камчатку. Защиты самых крайних дальневосточных рубежей требовало учреждение государственности, адмиралтейства, охраны рыбных и звериных промыслов, снабжение края и, конечно, содействие политическим задачам – расширению белого движения. Также требовалось открыть новые базы и укрепить старые. В мае 1922 г. Ю.К. Старк отправился на «Лейтенанте Дыдымов» в Ольгу для поддержки гарнизона и моряков, которые там находились.

Перед самым праздником Пасхи некоторым чинам Сибирской флотилии, как и всем войскам Временного Приамурского правительства, выдали немного обмундирования. Одним достались брюки, другим английские ботинки с обмотками, но кое-кому пришлось по-прежнему кутаться в байковые одеяла или же щеголять в нижнем белье. Это еще больше вызывало чувство неприязни к Меркуловым. Кульминация недовольства пришлась на первый день Пасхи – 16 апреля 1922 г., когда состоялся торжественный парад войск Приамурского правительства. Как вспоминал очевидец, это происходило так: «... в подавляющем числе взводов ответ на приветствие выкрикивало обычно только несколько отдельных человек, а один из взводов так тот совсем не утрудил себя ответом правителям и прошел при гробовом молчании. Совершенно напрасно думать, что в этом «разнобое» повинна была малая выучка воинских чинов, нет, тут следует подчеркнуть, что налицо была не плохая выучка, а демонстрация. Частушка ходила по рядам войск та-

кого содержания: «Полководцы, орлы – все идейные, у них лавочка, у всех, — бакалейная».

Итогом беспорядков среди белых стал майский «недоворот», когда произошла попытка свергнуть правительство братьев Меркуловых. Всю власть взяли в руки военные - «каппелевцы». Ю.К. Старк, критически относясь к Меркуловым, все же не принял сторону восставших. Одной из причин было то, что контр-адмирал понимал: насильственная смена власти ничего кроме очередного кровопролития не принесет. Вторая же причина хранилась в недрах донесений его контрразведки. Вот какая характеристика давалась лидерам Каппелевской армии: «Кроме этого генерал Смолин (всегда отличавшийся своим интриганством) и следуя в этом отношении по стопам ген. Молчанова, видя, что ген. Вержбицкий уже утерял свое прежнее значение, начинает проявлять свою некоторую самостоятельность. Вследствие всего этого резко изменилось отношение ген. Вержбицкого к правительству».

Очередной политический виток в Приморье нарастал с ужасающей быстротой. Противоречия семеновцев и каппелевцев, нашедших в качестве козла отпущения правительство братьев Меркуловых, едва не привело к кровавой схватке. Во главе мятежников встал командир 3-го стрелкового корпуса генерал-майор Виктор Молчанов. Только жесткая позиция Старка смогла предотвратить беду.

Виктор (Викторин) Михайлович Молчанов. *Родился 23 января 1886 г. в Казанской губернии. Окончил Елавское реальное училище и Алексеевское училище по первому разряду. Служил во 2-м Кавказском саперном батальоне с 24 марта 1906 г., переведен во 2-й Восточно-Сибирский саперный полк – 23 авг. 1908-1914 гг. Участник Первой мировой войны, подполковник. Генерал-майор колчаковского производства. Генерал-лейтенант семеновского производства.*

В письме № 1889 от 3 июня 1922 г. Старк написал Молчанову: «... ни я, ни флотилия не признали, не признаем и не будем признавать акта захвата Верховной власти Народным собранием со всем дальнейшими из акта последствиями. <Последние слова подчеркнул>. Я и флотилия на путь революции не вступим. Власть Временного Приамурского правительства должна быть восстановлена безусловно - дальнейшие же события должны развиваться в порядке эволюционном, на каковой путь, имею точные сведения, встало и Временное Приамурское правительство. Прошу дать ответ до 15.00 того же дня».

Молчанов принял ультиматум и тотчас же ответил: «На путь междоусобной борьбы с доблестной флотилией ни я, ни армия не вступим, почему для меня непонятны в вашем письме указания на срок ответа. Все происходящее на совести каждого русского патриота».

После встречи с С.Д. Меркуловым Старк поехал к Молчанову, и за закрытыми дверями они проговорили четыре часа. Разговор был очень жестким, порой переходящим в брань. Обвинения сыпались с обеих сторон, но адмирал сошелся с генералом во мнении, что дальнейшие разногласия могут привести к трагическим последствиям. В итоге они решили согласиться на передачу командования генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу, но смена власти не должна носить насильственный характер. 5 июня Дитерихс получил телеграмму об избрании Приамурского временного правительства и на другой день дал ответ Вержбицкому: «Счастлив вернуться снова в ряды армии и флота, доблестно и честно сохранивших славное великое имя воинов Святой-Матушки-Земли русской. Горжусь доверием, горячо обнимаю всех от Генерала до солдата и верю в Промысел Всевышнего Творца. Вступаю в командование».

Пока шли переговоры, 4 июня 1922 г. Спиридон Меркулов издал указ №148, в котором временно передавал командование всеми войсками Старку до прибытия Дитерихса.

Из послужного списка Михаила Константиновича Дитерихса. *Родился 5 апреля 1874 г. в Киеве. Окончил Пажеский корпус по 1-му разряду и 2 класса Николаевской академии генерального штаба с дополнительным курсом. Участник Первой мировой войны. Начальник штаба Чехословацкого корпуса и Главнокомандующий правительства адмирала Колчака. Начальник следствия по делу убийства Царской Семьи.*

Дитерихса с почетом встретили на станции Пограничной казаки и члены Народного собрания. На следующий день Дитерихс с адъютантом отправил Старку личное письмо: «Я хотел и хочу Вас видеть как настоящего честного русского патриота и доблестного борца с большевизмом. Я хотел и хочу Вас видеть как Михаил Константинович Дитерихс, который питал и питает к Вам уважение».

Тем временем флотилия продолжала свою службу. 26 июня 1922 г. «Лейтенант Дыдомов» вышел на охранное патрулирование побережья с представителем министерства промышленности. 28 июня «Магнит» отправился в китайский порт Чифу, откуда должен был привести захваченный красными пароход «Ставрополь». Но, прибыв 5 июля в этот порт, обнаружили отсутствие угля, и китайские власти воспрепятствовали выходу.

1 июля 1922 г. «Твердый» ушел с карательной экспедицией против партизан в Уссурийский залив. Десант же сел на посыльном судне «Фарватер». Внезапно среди них возникло подозрение, что корабль может уйти и бросить десант. Поэтому командир отправил часть десанта на Твердом», для чего пришлось сломать переборку.

Вот как описывал последние дни белого Приморья поэт-эмигрант Михаил Щербаков в своей статье «Одиссеи без Итаки»: «15 октября. Воскресенье. Город оставался спокойным и вечерние поезда возвратились густо наполненные обычной воскресной толпой. Только морские флигеля, где жили семьи моряков-офицеров Сибирской флотилии, были освещены до поздней ночи: там уже знали, что эвакуация неизбежна, знали о приказе готовиться к посадке на корабли и лихорадочно собирали свой скарб. [...] 19 октября. В просторной кают-компании «Маньчжура», освещенной двумя стеариновыми огарками, мы застали весь штаб флотилии, ставшей теперь центральным мозгом города. Общую панику удалось несколько успокоить. То и дело по вновь заработавшему морскому телефону в штаб поступали донесения от Морских стрелков и взводов Русско-сербского отряда, высланных караулами в опасные рабочие кварталы города. Слышались сухие приказания начальника штаба: Лейтенант У., возьмите трех людей и пройдите на городской телефон. Прикажите работать. Если не захотят, - покажите револьвер. Мне нужно связаться с городом...»[1] .

Старк работал по предстоящему отступлению белых по трем направлениям. Особые надежды он возлагал на морского агента контр-адмирала Б.П. Дудорова.

Из послужного списка Бориса Петровича Дудорова. *Родился в 1882 г. во Владикавказе. Окончил Морской корпус и военно-морскую академию. Командуя авиационным морским отрядом, проявил исключительные способности при защите Рижского залива. Временным правительством произведен в контр-адмиралы и отправлен военно-морским атташе в Японию.*

Дудоров объяснил, что в США флотилия могла найти «надежное убежище и даже помощь, но ни в коем случае не политического характера, а чисто благотворительного». Однако с кораблями, имевшими слабое техническое вооружение, положение было более чем драматическое.

С.Д. Меркулов, специально посланный Старком в Японию, докладывал, что надеется использовать свои связи во влиятельных японских кругах, чтобы обеспечить отход на Камчатку и помощь Японии новому Камчатскому государственному образованию. Это же подчеркивал и А.А. Пурин, который позднее вспоминал: «Адмирал Старк несколько раз беседовал со мною о севере, его возможностях и выяснял, что туда необходимо переправить для создания тыловой базы, которая могла бы питать освободительное движение. С цифрами в руках я до-

1 Щербаков М. Одиссеи без Итаки (От Владивостока до Шанхая с Сибирской флотилией в 1922 г.) // Архив русской революции. Прага, 1926. Т. 18. С. 302 – 316.

казывал огромные возможности севера, если хозяйство его поставить на должную высоту. Тогда же почтенный адмирал высказывал предположение, что туда необходимо перевести механические мастерские, приспособления для устройства дока, ледоколы, устроить склады продовольствия и прочее, а на прощание заявил: «Имейте в виду, что скоро вам придется разместить 30.000 человек». Мне было ясно, что армия и флот из Владивостока должны были прийти на север»[2] .

Существовало два эвакуационных плана: первый — зайти в Посьет, взять воинские части и отправиться в Петропавловск-Камчатский. Его недостатками было ограниченность продовольствия, денег и навигации. Старк писал: «Хотя этот план при наличии нашего временного преобладания на море, при том, что в Петропавловске-на-Камчатке находился еще наш гарнизон и корабли и при не раз доказанной изменчивости японской политики не мог представляться окончательной нелепостью, но все же в него мало верилось. Этот план, помимо политической помощи, требовал больших денежных затрат, и непонятно было, откуда могли взяться люди, которые ссудили бы нас в такой короткий срок большими деньгами без видимого реального обеспечения». Согласно второму плану следовало идти на юг и отдаться на милость китайцев. Генерал Дитерихс, отходивший с армией по суше, предлагал прежде всего перевезти людей по морю в порт Гэндзан (совр. Вонсан), а дальнейший путь избрать в зависимости от желания моряков. Этому плану и было отдано предпочтение.

Из Морского штаба тек непрерывный людской поток на Адмиральскую пристань. «Мы не можем пожаловаться, что нас не провожали, - вспоминал некто С-в в своей статье «К десятилетию со дня эвакуации из Владивостока». — Провожающими был запружен берег бухты. Одни из них желали нам доброго пути, это те, кто оставался после долгих и мучительных колебаний, — решившись остаться лишь после того, как Дитерихс объявил, что он ничем не обнадеживает тех, кто решил эвакуироваться, ничего не обещает им. Но много было на берегу тех, кто был рад, что нас «наконец-то вытряхивают», кто ждет от приходящих красных великих и богатых милостей. Пароход уходил, давая прощальные гудки. И словно посылал нам прощальный привет развившийся над Морским штабом русский национальный флаг, единственный флаг над всем Владивостоком. Про него забыли и снимут, вероятно, его только красные...»[3]

Контр-адмирал Ю.К. Старк ушел из Владивостока на «Байкале»,

---

2 Пурин А.А. Десять лет назад. Наше последнее преступление. Ч. I. // Воскресное прил. к газ. «Слово». Шанхай. 1932, 18 дек.

3 С-в. К десятилетию со дня эвакуации из Владивостока: Выписки из дневника // Парус. Шанхай, 1933. № 10 (Янв.). С. 91.

которым командовал капитан 2-го ранга Ильвов. Проблемы начались уже в Посьете, когда корабли Сибирской флотилии еще не покинули берегов России. По плану эвакуации казачьи части должны были оставить переполненные корабли и пешим порядком отправиться в Маньчжурию, но они отказались. «Глебовские генералы и полковники из казачьих урядников, зачастую не твердо подписывавшие свои фамилии, отказались высадить части с кораблей флотилии». Командованию пришлось смириться и продолжать путь вместе с ними. Что касается Камчатки, то эвакуация белых частей с полуострова прошла без всякого давления со стороны противников и каких-либо распоряжений Старка. Сведения о занятии Владивостока красными и отсутствие приказа удерживать Камчатку были сочтены Ильиным и генералом Ивановым-Мужжиевым достаточным основанием для того, чтобы на кораблях эвакуировать с полуострова всех своих сторонников. Не обошлось без потерь. Утонул катер «Ретвизанчик», шедший на буксире парохода «Защитник». Та же участь постигла и катер «Усердный» (бывший «Павел V») при подходе к Гэндзану. Людей удалось спасти, но Старк сильно ругал своего родственника – старшего лейтенанта Старка. Погиб в море со всем экипажем и «Лейтенант Дыдымов», никого при этом спасти не смогли.

31 октября 1922 в Гэндзане собрались следующие суда: «Байкал», «Свирь», «Батарея», «Диомид», «Илья Муромец», «Парис», «Фарватер», «Страж», «Лейтенант Дыдымов», «Охотск», «Маньчжур», катера «Стрелок», «Ординарец», «Резвый» (бывший «Павел Дирекционный»), «Надежный» и пароходы «Эльдорадо», «Защитник», «Взрыватель», «Монгугай», «Чифу», «Пушкарь», «Смельчак», «Воевода», «Тунгуз». В числе прибывших был смешанный госпиталь с 250 ранеными и больными. Через несколько дней сюда же подошел и отряд капитана 1-го ранга Соловьева: «Патрокл», которым командовал старший лейтенант Николай Александр Мцылев (346 человек), «Улисс» — лейтенант Степанов (59 человек), «Диомид» - капитан 2-го ранга Коренев (128 человек).

Все суда Сибирской флотилии, покинувшие Владивосток, собрались в корейском порту Сейсин (совр. Чхонджин), где окончательно решилась судьба белых частей. Здесь ими было получено циркулярное письмо Дитерихса от 14 ноября 1922 г., написанное в Хунчуне: «Факт свершился, мы проиграли стадию борьбы 1918-1922 годов в плоскости бывшего характера борьбы, интернировались на территории чужого государства и стали в положение обыкновенных беженцев. Это есть реальное действительное, наше современное исходное положение для всего нашего будущего стремления — освободить и возродить Великую Самодержавную Россию. Эту реальность каждый в организации обязан принять и признать искренне для данного момента и исходить

в дальнейшем из нее». При этом Дитерихс строго указал: «Для достижения сего категорически воспрещаю удерживать кого-либо в составе частей в стремлении иметь части», а также «Никакие авантюристические планы, намерения и стремления мною не допускаются».

Русские корабли лишь напрасно расходовали топливо, не имея возможности продолжить путь: сухопутные части не хотели сходить с кораблей и превращаться в беженцев. Японцы предупреждали, что не дадут уголь, и к 21 ноября положение стало критическим: топлива могло не хватить даже до ближайшего порта. Старк решил разделить флотилию на две части. Одну в составе транспортов «Охотск», «Эльдорадо», «Защитник», «Монгугай», «Пушкарь» и «Воевода» под руководством контр-адмирала Безуара. оставить на некоторое время в Гэндзане, пока не появится ясность в дальнейших планах. С другим же отрядом кораблей Старк планировал идти в один из филиппинских портов и интернироваться. Как только корабли вышли из порта, за ними последовали японские миноносцы. 23 ноября во время захода кораблей в Фузан (совр. Пусан) за углем, сход на берег был ограничен. Наличие бывшего русского консула Скородумова, сумевшего сохранить русский престиж, не принесло помощи, а уголь оказался плохого качества. В Фузане бывший старший лейтенант Белли, представитель советской миссии в Пекине, предложил Старку вернуться, гарантируя при этом полную амнистию и хорошую должность. Морякам ничего не оставалось, как последовать совету.

После того, как в Шанхае были высажены кадеты и Дальневосточная казачья группа под командованием генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова, Сибирская флотилия решила все же уйти на Филиппины, тем более, что под влиянием агитации большевиков положение ухудшалось буквально с каждой минутой. 10 января 1923 г. китайцы прекратили сход русских на берег, и было принято решение сниматься с якоря, бросив суда «Стрелок», «Страж» и «Резвый». К этому времени пришла помощь от бывшего военного агента в Японии контр-адмирала Дудорова - 10 тысяч иен. Этих денег и запасов угля хватало до одного из манильских портов. Приказом командира Сибирской флотилии оставшиеся пассажиры были переведены в матросы. Чтобы поднять боевой дух, Ю.К. Старк перенес свой флаг на «Диомид». Поначалу хорошая погода и мертвый штиль внушали надежду на благополучное завершение пути, но беды не заставили себя ждать. Во время шторма сел на мель, а затем и затонул «Аякс», командиром которого был мичман Б.Е. Петренко. Всего погибло 17 человек: 2 офицера, 6 гардемаринов, 8 нижних чинов и одна женщина. Удалось спастись только 3 офицерам, 1 гардемарину и 3 нижним чинам.

Обычно 900 миль, отделяющих Шанхай от Филиппин, суда про-

ходили за четыре дня, но кораблям Сибирской флотилии потребовалось от 9 до 20 дней. 26 января 1923 года они пришли на карантинную станцию Маривелес, остановка на которой предполагалась перед заходом на Филиппины. «Надо было сознаться, что мы были у цели нашего похода. Если бы даже наш расчет на дружелюбный прием во владениях Америки не оправдался, мы не могли ожидать ничего лучшего впереди и не могли идти дальше». По состоянию корпусов и механизмов корабли были на пределе своих возможностей находиться на плаву, и судьба их была предрешена, чему способствовал и антагонизм американских военных и местных властей. К предложению использовать русские корабли как транспорта не прислушались. У Ю.К. Старка был план сохранить флот в сокращенном варианте, сдавая его в аренду, но претворить его также не удалось.

Постепенному переходу русских беженцев в эмигрантское состояние способствовала помощь американцев. Всего на довольствии было 840 человек. Но неопределенность будущего и недовольство командирами вызывали все большее брожение среди экипажей Сибирской флотилии. 24 февраля 1923 г. произошел бунт на «Магните», когда члены команды выкрали оружие командира. Ю.К. Старк сначала решил приговорить их к расстрелу, но затем приказал передать зачинщиков на 5 месяцев в местную тюрьму. Последствием бунта было самоубийство командира канонерской лодки «Батарея» капитана 1-го ранга Л.М. Покровского. Старк, понимая, что вряд ли может что-то сделать для облегчения участи людей, 22 марта 1923 г. после перехода в лагерь Олонгапо» решил подать в отставку. Командиры судов отказались ее принять. Тогда 27 марта 1923 приказом № 134 Старк приказал «окончить кампанию и перейти в состояние долговременного хранения».

Попытки моряков найти работу чаще всего заканчивались неудачно, в лучшем случае удавалось устроиться чернорабочими. Группа моряки начала на пишущей машинке выпускать «Гальюнный вестник», в котором с сарказмом и иронией описывала свое бедственное положение. Всего вышло пять номеров, содержание которых весьма не понравилось начальству, и «самиздат» был запрещен. Тогда флотские диссиденты не успокоились и стали собирать материалы для нового издания – «Гальюнного листка». Редактор инкогнито писал в первом номере, вышедшем 22 апреля 1923 г.: «Думая занять заросшую нытьем и ложью литературную тропу нашего собрата, мы не мним полностью заменить его, ибо те же технические затруднения висят над нами Дамокловым мечом, готовясь в менее ожидаемую минуту пасть на нашу голову жестоким смертельным ударом, но все же думаем дать капельку юмора завязшей в тине отчаянья русской душе, капельку болеутоляющего средства от треволнений, тупеющей мысли представителей, ког-

да-то единицы, находящейся в трех соснах». Грустный морской юмор, содержавшийся в безыскусных статьях, только подчеркивал невеселое настроение во флотских рядах.

Одним из жестких правил, которому неукоснительно следовали американские иммиграционные власти, было недопущение в США лиц, имевших проблемы с легкими. Туберкулез же был одной из основных болезней участников гражданской войны. Достаточно вспомнить, что многие прошли знаменитый Ледовый поход в Сибири, после которого более половины белых вышли из строя. Поэтому неудивительно, что первый медосмотр прошли только 20 человек. Другой проблемой стала оплата американской визы — 8 долларов. Их негде было взять тем, кто едва успел собрать вещи, покидая Владивосток. Старк решил этот вопрос, продав на лом цветной металл и железо с кораблей.

23 мая 1923 г. стал историческим днем для Сибирской флотилии. В Олонгапо прибыл американский военный транспорт «Меррит», который должен был забрать русских моряков в Америку. Весь вечер моряки, затеяв починку одежды, оживленно обсуждали предстоящую поездку и перебрасывались шутками. На следующий день Старк приказал одеться по-парадному для последнего построения. На нем присутствовало 536 человек с семьями. Контр-адмирал Ю.К. Старк объявил, что остается со своим штабом по долгу службы на берегу, другим же предстоит отправиться в разные страны. Оплатой за проезд должна служить работа во время пути, при этом строго запрещалось пить крепкие напитки, а личное оружие предписывалось сдать командиру. «Десятки тысяч эмигрантов, в том числе и русские, – говорил Старк, – находят деньги, необходимые для приобретения билета на пароход в Америку, с вас такого не берут. Вы должны постоянно это помнить и быть благодарными американцам за такое отношение. Единственной нашей расплатой является безукоризненное и старательное исполнение работ на корабле по указаниям пароходного начальства. При этом вы должны знать, что вашим поведением на корабле вы составите себе рекомендацию, с которой и прибудете в Америку».

Последним документом, свидетельствующим о завершении деятельности Сибирской флотилии, является приказ № 352 от 23 марта 1923 г., в котором Старк подводит итоги последних месяцев плаваний. «С горьким чувством оскорбленного национального самолюбия, призвав на помощь лишь собственную сплоченность и энергию, мы тронулись [...] Призываю никогда не забывать в будущем, что вы русские люди и что ваша помощь будет нужна России везде и всегда, где бы вы ни находились»[4] . Здесь же Старк писал и о желании продолжить борь-

4 Отчет о деятельности Сибирской флотилии, 1922-22 // Морские записки. 1952. Т. X. N 1-2; 1953. Т. XI. N 1-3; 1954. Т. XII. N 1-3; 1955. Т. XXIII. N 1-4; 1956. N. 1

бу против Советской России. Андреевский флаг Сибирской флотилии, спущенный контр-адмиралом Старком, был перевезен в Сан-Франциско и теперь хранится в Музее Ветеранов Великой войны.

Судьба разбросала моряков по разным странам и разным портам. Некоторые оказались в Шанхае, где они постарались найти работу, связанную со своей прежней профессией, другие обосновались в США. Ю.К. Старк работал шофером такси и грузовика в Париже, а в свободное время продолжал заниматься общественной работой: был председателем Всезарубежного объединения русских морских офицеров. Во время Второй мировой войны контр-адмирал Старк отказался сотрудничать с нацистами, что окончательно подорвало его материальное положение. 2 марта 1950 г. он скончался во Франции в возрасте 72 лет. «У открытой могилы был установлен флагшток, на котором был поднят до половины тот самый к. адм. флаг с транспорта «Байкал», на котором адм. Старк совершил поход из Владивостока в Манилу. И вот, в этот момент, избороздив три океана, множество морей, под своим собственным Флагом, при чудном пении огромного хора князя Голицына «Коль славен наш Господь в Сионе...», адм. Ю.К. Старк ушел в свой последний поход, расставаясь с жизнью земной, в жизни вечную...»[5] .

Похороны на Тубабао

5 Фомин Н. Памяти контр-адмирала Юрия Карловича Старка // Морские записки. Нью-Йорк, 1950. Т. VIII, № 2; Федуленко В. Памяти командующего Сибирской флотилией контр-адмирала Старка // Русская жизнь. 1960. 5 марта. Портр. Барский К.П. Светлой памяти адмирала Бориса Петровича Дудорова // Там же. 1966. 18 ноября; Ваксмут А. Памяти Николая Юрьевича Фомина // Там же. 1964. 20 окт.

ЧЕРЕЗ ТУБАБАО И ГОНКОНГ ПО ВСЕМУ СВЕТУ

Быстрое приближение к Шанхаю Народно-освободительной армии Китая породило среди иностранцев большую панику. Особенно ярко она проявилась среди русской общины, которая уже хорошо знала о том, сколько русских было депортировано из Харбина в СССР. Все, кто имел маломальские связи, старались получить визы и уехать. Тем, кто не имел такого шанса, оставалось одно — отправиться с общей группой. Подготовительная работа началась в конце 1948 г., эвакуация – в начале 1949 г.[6] Последний пароход из Шанхая на Филиппины пришел 20 мая 1949 г. «В срочной эвакуации иностранцев из Шанхая заключается и наше, русских эмигрантов и эмигрантов других национальностей, оправдание. Мы, несмотря на все уговоры темных сил, не соблазнились заманчивыми предложениями, а предпочли всему джунгли, а в этом отношении мы нашли в лице Международной организации помощи беженцам полную поддержку»[7] .

«Новая заря» из Сан-Франциско откликнулась на отъезд русских эмигрантов на Тубабао так: «Они помнили и всегда будут помнить, что из всех стран мира пока только лишь одни Филиппины откликнулись на призыв ИРО[8] — согласились оказать временное гостеприимство на своих островах. Затаив незаслуженно нанесенную обиду, они не питали иллюзий в отношении условий жизни на полуобитаемом острове под тропиками. Само филиппинское правительство, по-видимому, также отлично сознавало все те трудности и лишения, с которыми неизменно встретятся пришельцы из Китая, почему и ограничило срок пребывания их у себя четырьмя месяцами, а Международная организация помощи беженцам, в свою очередь, торжественно обещала филиппинскому правительству расселить дальневосточных Ди-Пи[9] по другим странам, где бы они смогли честным трудом добыть себе кусок хлеба и вести сносную человеческую жизнь»[10] . Тогда еще никто не подозревал, что эта временная жизнь вместо четырех месяцев растянется почти на четыре года.

Всего морем и по воздуху было вывезено около 6000 эмигрантов.

---

6 Информационные бюллетени. Сан-Франциско, 1953. № 1, 2. – Б.с.

7 Шанхай агонизирует… // Наш голос. 1949. 29 апр.

8 IRO (International Refuges Organization) (АЙРО) Международная беженческая организация ООН.

9 DP (англ. displaced persons «перемещенные лица») – люди, вынужденные покинуть места постоянного проживания в результате военных действий или стихийных бедствий

10 В редакцию «Новой зари» // Новая заря. 1949. 27 апр.

Последний пароход «Хэвен» взял на борт в Шанхае почти 600 человек[11] . Среди пассажиров в основном были лица, имевшие китайские заграничные паспорта или карточки ИРО. Перед получением филиппинской визы всем эмигрантам требовалось заполнить анкеты и пройти собеседование. Самолетом разрешалось взять с собой 60 фунтов, а морским транспортом 450 фунтов багажа, который должен был находиться в деревянных ящиках. С одной стороны, жизнь на о. Самар для них явилась как бы продолжением эмигрантской жизни, с другой, этот период стал мостиком для подготовки переезда в другие страны, прежде всего, для получения соответствующих виз.

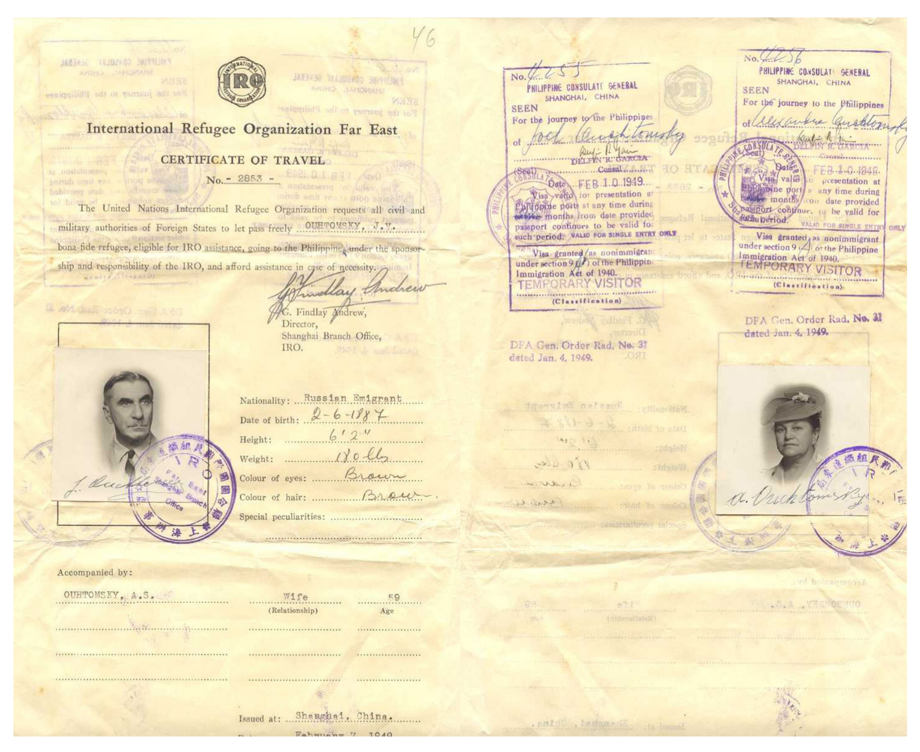

Проверка пассажиров в Шанхае перед отплытием

«Первые дни, - писал очевидец, — мы провели в очередях – ждали, когда подойдет наш черед заполнять подробные анкеты, что от нас требовали филиппинская таможня, иммиграционные власти, разведывательные и контрразведывательные органы. Помимо ответов на вопросы, касавшихся нас самих, мы должны были сообщить, что мы знаем о наших родственниках в СССР – если таковые имелись. Кроме того, каждого тубабаовца взвешивали, фотографировали, измеряли его

11 Не могут выехать // Рус. жизнь. 1949. 3 мая.

рост и снимали отпечатки его пальцев… Долго мы стояли, ожидая какое-то начальство. Наконец, стали вызывать: записав имя и фамилию, ставили у столба, давали очередной номер порядочной величины, приблизительно с лист школьной тетради, и приказывали прижать его на груди, поддерживая с двух сторон руками; голову держать ровно, не склоняя ни в какую сторону, твердо опираться на столб и смотреть на фотографа, не моргая и не закрывая глаз. Фотограф щелкал аппаратом и отпускал жертву. Точь-в-точь, как делали с нас снимки в Шанхае в общественной столовой перед эвакуацией, но только тогда номеров не ставили. Люди в очереди сильно волновались, отказывались сниматься, спорили, и все-таки становились к позорному столбу. Ну, что мы могли сделать?»[12]

46

IRO

International Refugee Organization Far East

CERTIFICATE OF TRAVEL

No. - 2853 -

The United Nations International Refugee Organization requests all civil and military authorities of Foreign States to let pass freely OUHTOMSKY, J.V. bona-fide refugee, eligible for IRO assistance, going to the Philippines under the sponsorship and responsibility of the IRO, and afford assistance in case of necessity.

G. Findlay Andrew,
Director,
Shanghai Branch Office,
IRO.

Nationality: Russian Emigrant
Date of birth: 2-6-1887
Height: 6'2"
Weight: 180 lbs
Colour of eyes: Brown
Colour of hair: Brown
Special peculiarities:

Accompanied by:

	(Relationship)	Age
OUHTOMSKY, A.S.	Wife	59

Issued at: Shanghai, China.

No. 4255
PHILIPPINE CONSULATE GENERAL
SHANGHAI, CHINA
SEEN
For the journey to the Philippines
DELFIN R. GARCIA
Consul
(Seal)
Date FEB 1 0 1949
Visa valid for presentation at Philippine ports at any time during months from date provided passport continues to be valid for such period. VALID FOR SINGLE ENTRY ONLY
Visa granted as nonimmigrant under section 9 (a) of the Philippine Immigration Act of 1940.
TEMPORARY VISITOR
(Classification)

DFA Gen. Order Rad. No. 31
dated Jan. 4, 1949.

No. 4256
PHILIPPINE CONSULATE GENERAL
SHANGHAI, CHINA
SEEN
For the journey to the Philippines
DELFIN R. GARCIA
Consul
(Seal)
Date FEB 1 0 1949
Visa valid to presentation at Philippine ports at any time during months from date provided passport continues to be valid for such period. VALID FOR SINGLE ENTRY ONLY
Visa granted as nonimmigrant under section 9 (a) of the Philippine Immigration Act of 1940.
TEMPORARY VISITOR
(Classification)

DFA Gen. Order Rad. No. 31
dated Jan. 4, 1949.

Карточка эмигранта (лицевая и обратная стороны)

12 Музей русской культуры в Сан-Франциско. Собр. О.А. Морозовой. Записки (дневник) о Тубабао. В. 3. Л. 29.

Известной в русском Китае писательнице О. Морозовой принадлежат и такие наблюдения: «По приезде в Тубабао мы попали в заколдованный круг: нас лишили совершенно возможности принимать самостоятельно какие-либо меры в деле устроения нашей дальнейшей судьбы, так как почему-то вопрос всецело перешел в ведение Переселенческого отдела ИРО, который, не интересуясь нашим желанием и имеющимися у нас личными возможностями, просто указывает нам, куда мы должны записываться, и в случае отказа нашего угрожает нам всякими репрессиями. Что же делать тем, кому больше сорока лет? Куда они могут рассчитывать переселиться?»[13]

В лагере соблюдался комендантский час. «В будние дни мы должны были быть в своих палатках к десяти часам вечера, а в субботу и воскресенье — к одиннадцати. Продвижение ограничивалось территорией лагеря, но иногда по специальным пропускам филиппинской службы безопасности нам разрешалось совершать небольшими группами однодневные экскурсии в ближайший от лагеря городок Гьюян. Посторонним вход в лагерь был ограничен, но сразу же за лагерем местным торговцам разрешили открыть небольшое кафе-ресторан, магазинчики и лотки»[14] . Администрация разделила всю территорию на 16 районов, в каждом проживало более 300 человек. В первых районах проживали эмигранты, которые приехали раньше, в 16-м – последние. Три района, помимо номера, имели и собственные имена: 4-й был скаутским, 8-й — президентским и 11-й — музыкантским. В «президентском» находилась канцелярия, здесь же жил глава российской эмиграции Г.К. Бологов и его помощники. Каждый район имел руководителя, а весь лагерь — собственную полицию, которая обеспечивала порядок в лагере и в первые месяцы насчитывала около 200 человек. Первым ее начальником был П.К. Пороник. После того, как он эмигрировал в Австралию, его место занял Р.А. Черносвитов.

Еда была простой и не отличалась питательностью. К октябрю 1949 г. на Тубабао были построены десять кухонь с кладовыми, десять бойлеров, открыты больница, санаторий, аптека, оборудованы зубоврачебный кабинет, санчасть и пожарная команда, несколько школ и детский сад, созданы курсы по изучению английского и испанского языков, по подготовке бухгалтеров и стенографистов и т.д.[15] «При этом, — отмечала О.А. Морозова, — организации ИРО все это почти ничего не стоило, так как одни вещи, более солидные, как доски для ме-

13 Там же. Л. 105.

14 Моравский В. Остров Тубабао. 1949 – 51 г. Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции // Россияне в Азии. 1997. № 4. С. 271 - 272.

15 Музей русской культуры. Собр. О.А. Морозовой. Записки (дневник) о Тубабао. В. 3. Л. 175.

бели, ИРО получало за бесценок «по сговору» от филиппинцев с базы; труд, как физический, так и умственный, был даровой — эмигрантский; разное оборудование, напр., для водопровода, электрической станции, санитарного отдела (бочки) — все это большей частью откапывалось в земле среди брошенного американцами изломанного имущества и приводилось в порядок своими силами. Наконец, зубоврачебный кабинет был всецело создан врачами-эмигрантами, предоставившими в общественное пользование лекарства и разные инструменты и принадлежности вплоть до зубоврачебных кресел. Вряд ли какая другая нация могла бы достичь таких удивительных результатов в такое короткое время, кроме русской, да еще при таких тяжелых условиях»[16] .

[…] Кто живет в холодном климате, тот совершенно не имеет представления о тропиках. Если вы попробуете спросить кого-либо о климате Филиппинских островов, то последует ответ: — «там настолько жарко, что нам, северянам, конечно, жить там невозможно.» Когда же вы сами поживете в этом климате, то придете к заключению, что не так-то уж страшна жара и человек прекрасно привыкает. Правда, что жарко то жарко. […]

Несмотря на относительный порядок в лагере, моральное состояние ее жителей оставляло желать лучшего «Представьте себе, — отмечалось в одном из писем, - большую часть русской колонии Шанхая, Тяньцзиня, Пекина, Циндао и Синьцзяна, сосредоточенную в одном маленьком месте и расположенную в не благоустроенном и явно не приспособленном для этого море брезентовых палаток, которые периодически то омываются тропическими дождями, то осушиваются палящим солнцем при резкой смене температуры дня и ночи, представьте себе скученность 5000 человек при отсутствии элементарных удобств и далеко не блестящей организации в администрировании, и вы получите наглядную картину того, что представляет собою «русский остров в Тихом океане»[17] .

В лагере существовала жесткая почтовая цензура, имелся свой суд — арбитражный. Показательным было первое слушание, которое состоялось 13 апреля 1949 г. Слушали дело о заведующей местной почтой, которая, взяв денег вдвое больше, чем требовалось, письма просто выбрасывала. Таких писем, которые тубабаовцы называли «смертниками», было найдено несколько сотен.

16 Там же. Л. 176.

17 Собр. О.А. Скопиченко (Сан-Франциско). Альбом «Русские на о. Самар». «То ли дело под шатрами…». Л. 1 об.

На открытии библиотеки О-ва. В первом ряду, слева: Э. Аминов, В. И. Аминова, В. В Ковалевский, А. Э. Аминова, М. М. Чернова, С. Г. Колачевская, К. Ф. Агаркова, Е.Л.Д. Вотур, И. А. Тюшева (зав. библиотекой). Во втором ряду: Ю. П. Овсов, В. И. Иванилов (сзади), Н. П. Калугин. В. А. Лысик (сзади), А. Г. Сакович, А. В. Гаккель, В. М. Колачевский, Р. Д. Капыстинский, Н. Г. Прокопов и Е. И. Совалев.

[…] Еще недавно там жило всего несколько десятков человек, – в настоящее же время число русских на островах превышает 200 человек, причем число это возрастает с каждым новым пароходом.

Большинство русских на Филиппинах состоят членами Русского Благотворительного Общества, основателем и бессменным возглавителем которого является адмирал В. В. Ковалевский. Оно объединило всех их на основах помощи соотечественникам в культурном и национальном общении, совершенно отказавшись от всякой политики.

Помещение Благотворительного Общества в Маниле представляет собою центр общественной жизни русских на Филиппинах. В этом уютном русском уголке находится сравнительно большая русская библиотека, созданная усилиями членов Общества. Там происходят регулярные встречи русских, устраиваются доклады, любительские спектакли, семейные вечера, перемежающиеся с бриджем и маджонгом... […]

Мытье посуды

Контрольно-наблюдательная комиссия составила негласные списки эмигрантов, которым нужно было отказать в визе в США. Первое время настроение среди тубабаовцев было приподнятым, но позднее пошло на спад. Распространялись слухи, нередки были случаи доносительства. К августу 1950 г. на остров прибыла комиссия США, которая стала заниматься желающими иммигрировать в эту страну. К этому времени имелось уже свыше 8000 заявлений о неблагонадежности. «За что же такое? — восклицала О.А. Морозова. — Нас здесь около 3000 чел. Выходит, что на одного взрослого (300 детей) написано не менее 3 доносов! Это уж немножко «множко»! и, быть может, все эти доносы фабрикует какая-нибудь определенная группа из тех лиц, которые не надеются куда-нибудь попасть вследствие запачканной репутации и которые решили забросать грязью и других, чтобы те тоже здесь остались»[18]. Многие из желавших уехать в США и не получивших визы отправились в Австралию или страны Южной Америки.

В лагере было открыто несколько церквей. Самая крупная, православная, которую назвали Михайловской, помещалась в большой дырявой палатке. Внутри нее было очень неуютно, иконостас не отличался красотой, так как не было больших икон. Вместо колоколов висели пустые бидоны. Церковь поменьше, находившаяся в Первом районе, называлась Серафимовской. В ней служил отец Афанасий, бывший настоятель Серафимовской церкви в Тяньцзине. Униатский приход возглавил Федор Вилькок, бывший директор католического колледжа в Шанхае.

18 Там же. Л. 264.

[…] Тут же, на купленном членами русской колонии участка земли, строится теперь русский православный храм. По организации постройки и по сбору средств много труда и энергии приложили настоятель временного храма, протоиерей о. Михаил Ерохин (бывший настоятель дайренского храма) и церковный староста Р. А. Штюрмер. […]

[…] Значительно увеличившаяся за последний год русская колония Манилы недавно дружно отпраздновала радостное для себя событие – конец постройки и освящение первого православного храма. Инициатором и главный двигателем постройки храма был перебравшийся на жительство в Манилу бывший настоятель православного храма в Дайрене священник о. Михаил Ерохин. Дружный отклик, встреченный им со стороны русских манильцев, – главный образом, со стороны возглавляемой адмиралом Ковалевским русской благотворительной организации, – позволил завершить дело в короткий срок.

Теперь русские молятся уже в своей церкви. До того православные богослужения отправлялись в англиканском храме.

Новая церковь – небольшая, деревянная, но очень чистенькая и уютная. Рядом с нею выстроен такой же чистенький и аккуратный домик для священника.

Торжество началось, как всегда, с освящения алтаря нового храма, потом из церкви вышел крестный ход, состоялось освящение храма, окропление его и дома священника святой водой, и затем была отслужена первая литургия.

После службы у батюшки о. Ерохина состоялась трапеза, затянувшаяся до 6 часов вечера. По окончании трапезы участники её вернулись в церковь к вечерне.

На освящении храма была вся русская колония, во главе с адмиралом Ковалевским. Среди молившихся было немало и харбинцев, – супруги Е. И. и В. А. Михайловы, Л. А. Маляровский, инж. Коньков, балерина Тамара Ярош, Гинх Сементовский, Г. Плешивцева и др. Присутствовали также и особо приглашенные бывший глава харбинского ХСМЛ м-р Хэйг с супругой, а также и несколько католических и англиканских священников.

Церковное торжество глубоко взволновало русских изгнанников на далеких Филиппинах, тем более, что в крестном ходе несли не только церковные хоругви, но и русские флаги, – трехцветный и морской флаг с голубым Андреевский крестом на белом фоне. Церковное пение, священные облачения, иконы и хоругви и эти флаги так сильно напомнили родину, что у многих участников торжества на глаза не раз навертывались слезы. […]

«Некоторые не перенесли условий жизни и покончили самоубийством, другие пережили тяжкие болезни, страдали от плохой пищи, много неприятностей от доносов, число которых исчисляется в девять тысяч, страхи гадов и тайфунов. Но не все воспринимали жизнь на Тубабао как пытку жизни в протекающих палатках. Все зависело, должно быть, от крепости нервов и характера»[19] .

Несмотря на многочисленные проблемы, в лагере беженцев развивалась духовная и культурная жизнь. Со временем благодаря епископу Иоанну Шанхайскому был открыт Свято-Богородицкий собор, который поставили на самом высоком месте, откуда открывался красивый вид на море и ближайший лес. Около собора, кстати, имевшего настоящие колокола, построили небольшой деревянный дом, в котором жило трое священников.

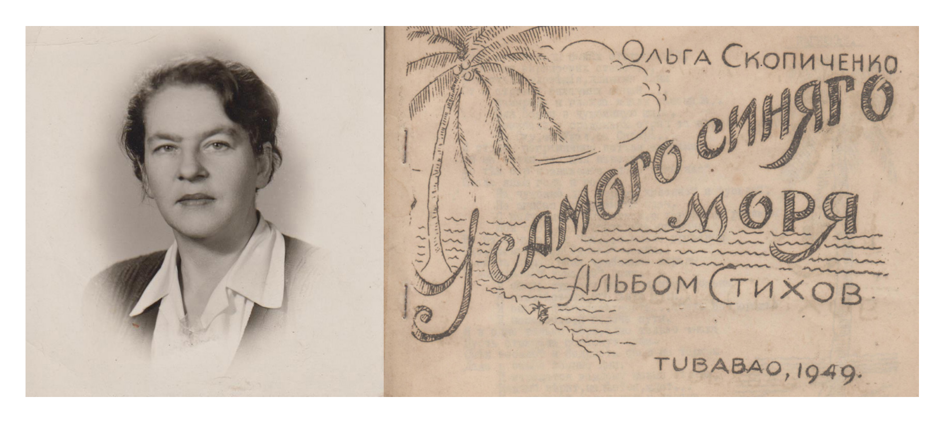
Необходимость в духовном общении заставила эмигрантов открыть Историко-литературный кружок. Основная работа в нем заключалась в чтении популярных лекций. Профессор Путята, например, прочитал доклад о Гоголе, неоднократно выступали с лекциями профессор Головачев и военный историк Филимонов. У этого объединения не существовало никакого устава, и главной целью оно ставило организацию встреч для общения людей.

Зачинателем театра стал С.А. Уралов, собравший первую труппу. Вначале она ставила небольшие миниатюры, а первой театральной площадкой стало место, где по вечерам крутили фильмы. Через некоторое время образовалось театральное объединение, которое разделилось на три секции: драматическая (Уралов), оперетты (Славянский) и балетная (Шевлюгин). Н. Славянский писал: «Говорить о том, как в жизни человека необходим театр, совершенно напрасно. Необходимость сего ясна без всяких доказательств. В наши тяжелые и грустные дни на Тубабао существование театра бодрит, придает веру в будущее, скрашивает горечь настоящего и доказывает, что, несмотря ни на что, мы целы, едины в своих чаяниях и не сломлены испытаниями»[20] . Члены театрального объединения играли как классику, так и пьесы местных авторов, например, О. Скопиченко. Нередко устраивались концерты. В связи со 150-летием со дня рождения А.С. Пушкина в лагере состоялся большой вечер.

Деятельно работали и художники. 4 апреля 1950 г. была открыта выставка-продажа работ местных художников. Среди 400 выставленных произведений было немало интересных. Больше всего картин выставил А.А. Карамзин. Почти все его полотна были посвящены России. Особенно хорошо ему удавались изображения лошадей, скорее всего

19 К. Георгий. Исход русских из Китая // Новая заря. 1964. 28 февр.

20 Славянский Н. О местном театре // Еженед. обозрение. 1949. № 1 (дек.).

Ольга Скопиченко и обложка альбома её стихов

потому, что в прошлом он был кавалерийским офицером. Привлекали внимание пейзажи и портреты кисти В.Н. Осипова. Особенно популярными были акварели Н.А. Пикулевича, которые многие покупали на память о пребывании на Тубабао, а вот работы А.В. Петрова распродавались не очень. Хотя они отличались отменным качеством, но стоили дорого.

Однажды лагерь с русскими беженцами посетил президент Филиппин. С краткой речью выступил Г.К. Бологов, вручивший почетному гостю приветственный адрес, который был вложен в роскошную кожаную папку. На ней был помещен чеканный портрет на серебре самого президента, выполненный художником Карамзиным, а виньетку выполнил Ярон. Затем президенту вручили хлеб-соль на художественном блюде, искусно исполненном художником Пикулевичем, а антикварная солонка была привезена еще из России. Впоследствии эти дары были помещены в музей в Маниле. В ответной речи президент обещал и дальше предоставлять русским местожительство на Тубабао.

В мае 1949 г. первая группа русских эмигрантов уехала в Австралию. «Все уехавшие, — писал «Наш вестник», — полны самых радужных надежд на будущее, и дай Бог, чтобы их надежды оправдались полностью. Теперь очередь за второй группой, которая, надо полагать, не задержится здесь надолго и также с легким сердцем отправится к неведомым еще берегам. Отъезд в Австралию — это факт глубокого значения, и он принес с собою остающимся в лагере моральное удовлетворение, а также веру в то, что беженцы на Тубабао не забыты»[21] .

Как только в США стало известно о бедственном положении русской диаспоры в Китае, там сразу же было основано несколько общественных объединений, которые поставили своей целью помощь

21 Отрадное явление // Наш голос. 1949. 29 мая.

беженцам на Тубабао. Так, в июне 1950 г. была создана Федерация русских благотворительных организаций, а в феврале 1951 г. ее деятели подвели первые итоги. «За эти пять месяцев, - писал председатель Н.В. Борзов, — нами выдано около 500 ашурансес (страховка, финансовое обеспечение – *прим. А.А. Хисамутдинова*) и уже встречено, передано их спонсорам, размещено и устроено на работы около 1000 человек, а также оказана помощь нескольким сотням отдельных лицам хлопотами за них перед Американским правительством»[22].

Существовало также Объединение родственников и друзей с Дальнего Востока, которое стало оказывать всемерную помощь эмигрантам. Деятели Объединения обратились в Союз христианских церквей, к правительству США и в ООН, что впоследствии дало возможность многим эмигрантам из Китая переехать в США.

Первой страной, пожелавшей пригласить русских, стала Австралия. Туда требовались мужчины не старше 50 и женщины до 35 лет, готовые подписать рабочий контракт. Вслед с Австралией пришли предложения из Парагвая и других стран Южной Америки. Положительно был решен вопрос и о временном размещении эмигрантов в Японии. Первый поток русских эмигрантов в США был незначительным – уезжали только те, кто имел там родственников или близких друзей, согласившихся не только оплатить проезд, но и обеспечить существование вновь прибывших на первых порах. Когда в конце мая 1950 г. начались военные действия в Корее, группа добровольцев предложила свои услуги в борьбе против коммунизма. В августе 1950 г. приехала американская комиссия, которая стала оформлять желающих переехать в США.

Показателем настроения в лагере служил анекдот, популярный на Тубабао: «Прошло 50 лет после Самарского расселения эмигрантов. На острове уже никого не было, и он снова весь зарос джунглями. И вот на этот остров приехали поохотиться американцы. Ходили, ходили — ничего интересного, одни вампиры летают. Вдруг на верхушке одной пальмы они увидели большую обезьяну, решили поймать ее живьем, стали обсуждать план, как достать с пальмы. Но обезьяна сама спустилась вниз и оказалась не обезьяной, а старым человеком, совершенно заросшим волосами. Он стал быстро что-то говорить, но американцы его не понимали сначала, потом стали прислушиваться и уловили несколько русских слов. Тогда один из них, знавший немного по-русски, стал его расспрашивать, и тот им рассказал следующее: «Много лет тому назад, когда я был еще маленьким, то слыхал от родных, что на этом острове жили два племени — Ди-пи и Ти-би. Ну, ти-би все померли, а от Ди-пи остался я один и все жду, когда пройдет билл в Америке,

22 Музей русской культуры. Собр. Рус. благотворит. орг-ций в США. Box. 3.

и приедет комиссия, которую, я помню, все на острове с нетерпением ждали. Так вот, быть может Вы и есть эта комиссия из Америки?...»[23]

С помощью ИРО к сентябрю 1950 г. в разные страны эмигрировали: в Австралию — 1660 человек, Парагвай — 188, Сан-Доминго – 223, Суринам – 32, Францию — 40, Турцию – 20, Аргентину — 11, Чили — 6, Бразилию — 1, США – 620. За свой счет Тубабао покинуло 209 человек. Оставалось там еще 2540 человек[24] . 14 июня 1951 г. в Сан-Франциско прибыл третий пароход с русскими из Тубабао. На причале их встречали родственники и представители общественных и благотворительных организаций[25] .

К лету 1951 г. на Тубабао осталось небольшая группа эмигрантов, в основном те, кто не имел возможности уехать в другие страны или был болен хроническими заболеваниями, например, туберкулезом. Таких больных было около 125 человек. Последний руководитель лагеря монах Модест писал: «Относительно нужды трудно сказать, чем мы будем нуждаться. Питание здесь в санатории довольно сносное, жаловаться не приходится, а чтобы улучшить питание для больных, это едва ли возможно. Остров пустынный, ничего своего здесь нет, нелегко доставлять сюда огородные овощи в свежем виде. С лекарством трудновато, так как стрептомицин выписывался преимущественно из С. Америки, а теперь на него запрет вывоза из страны или же в ограниченном количестве, что отражается на нашем лечении весьма неблагоприятно. За неимением в достаточном количестве нужных лекарств трудно надеется на скорое выздоровление. Хотя правление IRO обещает в скором времени достать нужное количество стрептомицина. Если же разделить эти деньги между всеми больными, чего и желают некоторые, тоже едва ли будет какая-либо польза от этого. Есть еще и другая причина, о которой в письме нет никакой возможности писать особенно мне, официальному лицу. Тяжелей и мучительней самой болезни это слухи, что больных туберкулезом отправить намерены во Францию на поселение. От этого мы теряем право на въезд в Америку. Во Франции нам грозит недостаток не только с лекарствами, но и со всем необходимым, в особенности с питанием»[26] .

Среди тех, кто оставался на острове, было немало людей, кто во время Второй мировой войны высказывал открытые симпатии к СССР.

23 Музей русской культуры. Собр. О.А. Морозовой. Записки (дневник) о Тубабао. В. 3. Л. 153.

24 Там же. Л. 279.

25 Дроздов П. Прибытие третьего парохода с 490 тубабаовскими эмигрантами // Рус. жизнь. 1951. 15 июня.

26 Музей русской культуры. Коллекция Деловая комиссия помощи русским. В. 1, f. 8 (письмо иеромонаха Модеста А.Т. Бельченко от 20 янв./2 февр. 1951).

«…это те, кому русская общественность не желает давать ашурансов в наказание за их заблуждения в 1945 – 47 годах, за «совпатриотизм»… Их никуда не пускают, т.к. они заклеймены своими же соотечественниками. Их положение сверхтрагическое…»[27] . Этот период был характерен огромным числом самоубийств среди беженцев.

Русские эмигранты, переправленные из Шанхая на филиппинский остров Тубабао, смогли выпустить несколько газет: «Еженедельное обозрение» (1949 – 1950 гг., пять номеров, еженедельник «Тубабао знает» (май – август 1949 г., 8 номеров), «Наш голос» (1949 г., 10 номеров), Антикоммунистический сборник под редакцией А.В. Скрипкина (1950 г., около 5 номеров), «Наш голос» (январь 1951 г., борт военного транспорта «Генерал В.Г. Хаан», 14 номеров) и несколько скаутских листовок.

Издатели газеты «Тубабао знает» отмечали в первом номере: «Целью нашего издания является по возможности дать точную и правдивую информацию по наиболее интересующим всех вопросов, а именно лагерные новости, то есть то, что мы имеем в настоящем, вопросы дальнейшего переселения, т.е. наше будущее и что происходит в мире, то есть от чего зависит наше настоящее и наше будущее»[28] .

Другим изданием стал «Наш голос»: «Мы будем стоять на страже интересов населения лагеря и давать только такую информацию, которую будем только получать из вполне авторитетных источников. Но в то же время мы будем бороться с теми вздорными и ни на чем не обоснованными слухами, которыми полон наш лагерь. Наши задачи – удовлетворять культурные запросы читателей, освещать вопросы дальнейшей эвакуации в другие страны, давать их описание, способствовать объединению одинаково мыслящих и давать, возможно, полную картину жизни в лагере. Жить в джунглях, как это все видят, не страшно, но жить в «джунглях» косности и неправды, в которых как в кривом зеркале искажается истина, невозможно»[29] .

Редактором «Еженедельного обозрения» был А. Скрипкин. «Вот устранение всех этих ненормальностей, — писал он, — и является одной из наших задач – предоставлять лагерникам возможность открыто выразить свою мысль, чтобы голос протестующего не был голосом вопиющего в пустыне, чтобы на наших страницах он нашел себе ответ на интересующие его вопросы, чтобы и администрация лагеря имела возможность объяснить необходимость того или иного положения или необоснованность каких-либо слухов»[30] . Массу проблем приносили

27 Загорский В. Вести с Тубабао // Рус. жизнь. 1951. 17 июля.

28 От редакции // Тубабао знает. 1949. № 1. Б.с.

29 Наш голос // Наш голос. 1949. 24 апр.

30 Скрипкин А. Наши задачи // Еженед. обозрение. 1949. № 1 (дек.).

устаревшие материалы и бессодержательные заметки самодеятельных авторов. Большой проблемой было найти бумагу на издание или решить финансовые вопросы[31] .

«Наш вестник» о жизни лагере писал: «Самарцев ничем не удивишь! Газета? Хорошо, газета! Роли быстро и полюбовно распределяются. Начинается работа… Материал подобран, переведен на английский язык и остается оформить его только на бумаге. Тут-то и начались тяжелые и мучительные роды: с трудом найдена русская машинка, причем трехрядка самого древнего образца и с самыми неожиданными комбинациями в шрифте. Но этого мало, неожиданно заболевает сначала один, а затем второй сотрудники, а дело не ждет. Коллегия не сдается и пылая страшнейшей жаждой скорее начать газетную жизнь, новые книгопечатники-Федоровы снимают ленту с машинки, вставляют стенсил и… появляется шедевр типографского искусства»[32] . Порой ирония была единственным выходом спастись от тягостных мыслей о будущей жизни.

Последним изданием тубабаовцев стала «Листовка — призыв к новой жизни». Она родилась после того, как последняя массовая группа эмигрантов в количестве 490 человек была погружена на американский транспорт. Редактор А. Скрипкин писал «Мы никогда не забудем того знаменательного момента, когда после тридцатитрехлетнего скитания по нашему изгнанническому пути, мы, вступив на кусочек американской территории на транспорте «Ген. Блэк» и встретив прекрасное братское отношение со стороны командного состава и других членов команды, поняли, что тот флаг, под которым мы совершаем наше путешествие, даст нам право на место под солнцем, даст достойное человеческое существование и священное право на труд»[33] .

Весной 1953 г. последний русский покинул Филиппины[34] .

После закрытия лагеря на Тубабао единственным путем отъезда русских из Китая стал Гонконг. К 1 июня 1958 г. Гонконгская контора Мирового совета церквей зарегистрировала 11714 русских беженцев в Китае. Из них только 3782 имели визы. «Из-за недостатка средств вывоз беженцев из Китая значительно замедлился, но может быть в ближайшем времени увеличен, в зависимости от притока средств, как только находившиеся на 1 июня 1958 г. в Гонконге 557 беженцев будут отправлены в страны назначения»[35] . По соглашению с генерал-губернатором

31 Как мы делаем нашу газету // Еженед. обозрение. 1950. Янв.

32 Редакционная коллегия: (Вместо передовой) // Наш вестн. 1951. 9 янв.

33 К новой жизни = To new life / Ред. А. Скрипкин. Борт транспорта «General W.M.Black». 1951. № 1 (5 июня).

34 Еще 20 лет ушло из жизни… // Новая заря. 1971. 23 янв.

35 Музей русской культуры. Федерация Русских благотворительных организаций. B. 1, f. 4

Гонконга одновременно в этом городе могли находиться не более 250 человек, дожидающихся отправки.

Наибольшую помощь в эмиграции русских из Китая оказала так называемая Тубабаовская комиссия, основанная в Сан-Франциско в 1949 г. с целью предоставления финансовой и благотворительной поддержки русским беженцам из Китая, пожелавшим приехать в США. Она также оказывала помощь эмигрантам при переезде в Австралию и Южную Америку, поддерживала различные организации и православную церковь. Комиссия закрылась 11 апреля 1964 г.[36]

Японские власти в Китае всячески ограничивали отъезд русских в Австралию. Нужно было не только получить от них разрешение, но и предъявить 20 фунтов (600 иен)[37] . При этом обменять гоби на фунты и доллары было невозможно, запрещен был и вывоз иностранной валюты за рубеж. Не разрешалось выезжать за пределы Маньчжу-Го молодым людям призывного возраста. В Сиднее был образован Русский центральный комитет помощи (Russian Central Welfare Committee), который вместе с методистской церковью получил в начале 1947 г. разрешение пригласить 50 русских эмигрантов из Китая. Предпочтение отдавалось лицам не старше 45 лет, политически благонадежным, имеющим рекомендации священников или благотворительных организаций[38] . Большую роль в принятии беженцев играла православная церковь. Архиепископ Савва писал: «Мировым советом церквей на средства, отпущенные Объединенными нациями и Австралийским правительством, в 1959 г. был сооружен дом для престарелых из Китая, недалеко от Сиднея, на 20 человек, который находится в ведении Русского благотворительного общества. В 1960 г. на средства, отпущенные Организацией объединенных наций, построен дом для престарелых около Мельбурна на 10 человек, попечение о которых приняло на себя Общество имени о. Иоанна Кронштадтского. Австралийско-Новозеландская епархия, в лице Епархиального беженского комитета, уже в течение двух лет содержит в учрежденном монастыре свыше 30 человек, благодаря добровольным пожертвованиям, главным образом, из Америки. Однако, всего этого еще недостаточно»[39] .

Переезд в Европу осуществлялся индивидуально. Только после

(Доклад Административного отдела организациям – членам Федерации РБО в США).

36 Правление. Ликвидация Тубабаовской комиссии // Рус. жизнь. 1964. 22 сент.

37 Льдов В. Из Харбина русские стремятся в Соед. штаты и в Австралию // Новая заря. 1938. Б.д.

38 Переселение русских в Австралию // Новая заря. 1947. 13 февр.

39 Музей русской культуры. Федерация Русских благотворительных организаций. B. 2, f. 6 (Письмо Саввы, архиепископа Австралийско-Новозеландской епархии от 5 дек. 1960).

окончания Второй мировой войны небольшая часть престарелых эмигрантов и больных хроническими заболеваниями, в том числе туберкулезом, была отправлены в соответствующие приюты.

Массовая эмиграция в Южную Америку началась в конце 1940-х годов. В основном русские из Китая селились в Аргентине или Бразилии. Некоторая часть эмигрантов, желавших перебраться в Бразилию, уезжала сначала в Гонконг, где было проще получить бразильскую визу. Они имели свои периодические издания, в т. ч. газету «Вестник Бразилии», выходившую в 1953 г. В ней публиковались материалы о новой волне русской эмиграции. «Многие из нас, - писал один из вновь прибывших, - не имеют в Бразилии ни родственников, ни друзей, ни знакомых, не имеют и чековых книжек и, уж конечно, не владеют португальским языком, да и с английским преобладающее большинство «не в ладах»… Правда, образовались две группы, изучающие португальский и английский языки, нашлись преподаватели, ведутся регулярные занятия, но аудитория курсантов катастрофически редеет… Страшновато становится от волнующих мыслей, что-то со всеми нами, обездоленными, оторванными от родной почвы, от обычного уклада жизни и труда, в чужой стране, среди чужого нам, хотя и доброжелательного народа, — будет? Ведь нас, «белых китайцев», будут транспортировать не в единицах, не в сотнях, а в тысячах и преимущественно в Бразилию. Не будет сгущением красок утверждать, что 80 % из всех переселяемых в Бразилию абсолютно не имеют средств и должны сразу же, по своему прибытию туда, устраиваться на какую угодно службу и работу, чтобы обеспечить себя прожиточным минимумом. Не правда ли, есть над чем задуматься, есть от чего прийти в душевное смятение?»[40]

Большинство русских из Китая предпочитало жить в Сан-Пауло, где находилось больше предприятий. «Те, кто осел в Рио, - писала В. Бакич, - тоже постепенно устроились и большинство не плохо, м.б. золотых гор не построили, но все живут прилично, если даже не сказать очень прилично, и стандарт жизни очень высокий. Здесь большое преимущество, что за сравнительно небольшую оплату мы можем иметь прислугу, которая делает все — и готовит, и стирает, и убирает и т.д. <...> Конечно, русская колония здесь уменьшается, люди уходят в лучший мир. Дети, рожденные здесь, уже чувствуют себя настоящими бразильцами. Наше поколение как-то близко с местными жителями не сошлось, но это, пожалуй, везде. Мы держимся больше своего класса людей. Церквей достаточно, но священников не хватает»[41] . Среди приехавших в Бразилию из Китая были

40 Сапелкин В. По воле волн…: Очерк // Вестн. Бразилии. 1953. 29 нояб. С. 4.

41 Бакич В. (Кременская). О жизни русских в Бразилии // Друзьям от друзей. 1987. №

и русские литераторы. В 1953 г. сюда эмигрировал поэт В.Ф. Перелешин.

Япония в основном служила своеобразным мостом для переселения в разные страны, в первую очередь в США. В период 1920 – 1945 гг. русские из Китая приезжали сюда на заработки (торговля вразнос) или на гастроли. Устроиться в Японии на постоянную работу удавалось немногим. Начало войны СССР с Японией резко осложнило жизнь русской общины, многие из ее членов и так потеряли в бомбардировках почти все, что имели. Большинство русских эмигрантов было арестовано. «Особенно русским пришлось тяжело в смысле питания. Во время войны японцы мало обращали внимания на русских, и нашим соотечественникам приходилось сидеть впроголодь. Наши американские власти пошли навстречу русским и стали выдавать им пайки пищевыми продуктами и довольно приличные, и русские очень благодарны американцам за их помощь в трудную минуту. Русские здесь также ругаются, как и в Сан-Франциско. Здесь тоже есть «генералы» и «полковники» и тоже делят Россию. Но они очень боятся советского правительства»[42] .

Много позднее русские беженцы писали: «Российская эмиграция… Без собственной территории, без своего правительства, даже без единого представительства, разбросанная по всей земле, по всем пяти континентам. Российская эмиграция, в активной части своей разделенная на политические течения и группы, в не активной – частично ушедшая в быт, частично ассимилирующаяся в странах рассеяния. Признаем, что есть эмигранты, оторвавшиеся от эмиграции почти целиком, ушедшие в чужую жизнь, забывшие или забывающие родной язык, но я не верю, что из душ их начисто выметена наша русскость»[43] .

---

26 (май). С. 32.

42 Котляров А.П. Вести о жизни русских в Токио: (Из писем рядового американской армии) // Новая заря. 1946. 13 февр.

43 Самарин В. Нравственное осмысление 60-ти лет эмиграции // Рус. жизнь. 1981. 27 марта.

Оглавление

Приложение

Список литературы

1. А.К. Отдельный батальон морских стрелков Дальнего Востока. Гайдовское восстание // Русская жизнь. 1966. 11 окт.
2. Бакич В. (Кременская). О жизни русских в Бразилии // Друзьям от друзей. 1987. № 26 (май). С. 32.
3. Барский К.П. Светлой памяти адмирала Бориса Петровича Дудорова // Русская жизнь. 1966. 18 ноября.
4. Буяков А.М. Неизвестный адмирал Старк // Записки ОИАК. 1996. Т. XXX. С. 106 - 114.
5. В редакцию «Новой зари» // Новая заря. 1949. 27 апр.
6. Ваксмут А. Памяти Николая Юрьевича Фомина // Русская жизнь. 1964. 20 окт.
7. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1917 - 1922). Документы и материалы. Владивосток, 1989. 459 с., ил.
8. Дроздов П. Прибытие третьего парохода с 490 тубабаовскими эмигрантами // Рус. жизнь. 1951. 15 июня.
9. Еще 20 лет ушло из жизни… // Новая заря. 1971. 23 янв.
10. Загорский В. Вести с Тубабао // Рус. жизнь. 1951. 17 июля.
11. Информационные бюллетени. Сан-Франциско, 1953. № 1, 2. Б.с.
12. К новой жизни = To new life / Ред. А. Скрипкин. Борт транспорта «General W.M.Black». 1951. № 1 (5 июня).
13. К. Георгий. Исход русских из Китая // Новая заря. 1964. 28 февр.
14. Как мы делаем нашу газету // Еженед. обозрение. 1950. Янв.
15. Котляров А.П. Вести о жизни русских в Токио: (Из писем рядового американской армии) // Новая заря. 1946. 13 февр.
16. Льдов В. Из Харбина русские стремятся в Соед. штаты и в Австралию // Новая заря. 1938. Б.д.
17. Моравский В. Остров Тубабао. 1949 – 51 г. Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции // Россияне в Азии. 1997. № 4. С. 271 - 272.
18. Наш голос // Наш голос. 1949. 24 апр.
19. Не могут выехать // Рус. жизнь. 1949. 3 мая.
20. От редакции // Тубабао знает. 1949. № 1. Б.с.
21. Отрадное явление // Наш голос. 1949. 29 мая.
22. Отчет о деятельности Сибирской флотилии, 1922-22 // Морские записки. 1952. Т. X. N 1-2; 1953. Т. XI. N 1-3; 1954. Т. XII. N 1-3; 1955. Т. XXIII. N 1-4; 1956. N. 1
23. Переселение русских в Австралию // Новая заря. 1947. 13 февр.
24. Правление. Ликвидация Тубабаовской комиссии // Рус. жизнь. 1964. 22 сент.

25. Пурин А.А. Десять лет назад. Наше последнее преступление. Ч. I. // Воскресное прил. к газ. «Слово». Шанхай. 1932, 18 дек.
26. Редакционная коллегия: (Вместо передовой) // Наш вестн. 1951. 9 янв.
27. Самарин В. Нравственное осмысление 60-ти лет эмиграции // Рус. жизнь. 1981. 27 марта.
28. Сапелкин В. По воле волн…: Очерк // Вестн. Бразилии. 1953. 29 нояб. С. 4.
29. С-в. К десятилетию со дня эвакуации из Владивостока: Выписки из дневника // Парус. Шанхай, 1933. № 10 (Янв.). С. 91.
30. Скрипкин А. Наши задачи // Еженед. обозрение. 1949. № 1 (дек.).
31. Славянский Н. О местном театре // Еженед. обозрение. 1949. № 1 (дек.).
32. Федуленко В. Памяти командующего Сибирской флотилией контр-адмирала Старка // Русская жизнь. 1960. 5 марта. Портр.
33. Фомин Н. Памяти контр-адмирала Юрия Карловича Старка // Морские записки. Нью-Йорк, 1950. Т. VIII, № 2.
34. Шанхай агонизирует… // Наш голос. 1949. 29 апр.
35. Щербаков М. Одиссеи без Итаки (От Владивостока до Шанхая с Сибирской флотилией в 1922 г. // Архив русской революции. Прага, 1926. Т. 18. С. 302 – 316.

Архивы

1. Музей русской культуры в Сан-Франциско. Собр. О.А. Морозовой. Записки (дневник) о Тубабао. B. 3. Л. 29.
2. Музей русской культуры. Коллекция Деловая комиссия помощи русским. B. 1, f. 8 (письмо иеромонаха Модеста А.Т. Бельченко от 20 янв./2 февр. 1951).
3. Музей русской культуры. Собр. Рус. благотворит. орг-ций в США. Box. 3.
4. Музей русской культуры. Федерация Русских благотворительных организаций. B. 1, f. 4 (Доклад Административного отдела организациям — членам Федерации РБО в США).
5. Музей русской культуры. Федерация Русских благотворительных организаций. B. 2, f. 6 (Письмо Саввы, архиепископа Австралийско-Новозеландской епархии от 5 дек. 1960).
6. Собр. О.А. Скопиченко (Сан-Франциско). Альбом «Русские на о. Самар». «То ли дело под шатрами…». Л. 1 об.

